

МИЛА ДУГЛАС

БЫВШИХ!
нет!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Бывшие

ПОЙМАЛ ТЕБЯ СНОВА

Мила Дуглас

Бывшие. Поймал тебя снова

«Автор»

2026

Дуглас М.

Бывшие. Поймал тебя снова / М. Дуглас — «Автор», 2026

«Я сделаю всё, чтобы ты была моей навсегда», — сказал он и сломал мой мир, чтобы вернуть.-----Я сбежала от его удушающей ревности. И, как ни странно, измены. А он поклялся вернуть меня любой ценой. Спустя два года судьба вновь сталкивает нас — теперь он мой босс, властный и опасный. Я ненавижу его, но тело помнит каждое прикосновение. Смогу ли я устоять перед одержимостью того, кто не привык проигрывать?

_____ Ревность, измена, месть и дикая любовь Сын бандита, хоккеист, собственник. Он купил её свободу и не отпустит. Мрачный герой не принимает отказов.

Содержание

Пролог. Демьян.	5
Музыка, с которой я пишу книгу	9
Пролог. Кая.	10
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Мила Дуглас

БЫВШИЕ. ПОЙМАЛ ТЕБЯ С НОВА

Пролог. Демьян.

Демьян

Кровь на моих руках уже начала подсыхать, стягивая кожу противной коркой, когда я вдавил плечом дверь её квартиры.

Замок хрустнул, как сломанная челюсть — с тем же хлюпающим звуком. Коридор уже успел пропитаться пустотой. Не той пустотой, когда человек уехал в отпуск или задержался на работе. Нет. Здесь пахло её отсутствием. Таким тотальным, будто Кая никогда здесь не появлялась. Словно я выдумал каждую чёртову минуту, каждый вздох, каждый раз, когда она говорила моё имя с такой интонацией, от которой у меня внутри всё сжималось.

— Кая.

Мой голос прорезал тишину и скрылся в тишине комнаты, не встретив ответа.

Прошёл дальше, не включая свет. Зачем? Знал эту квартиру наизусть.

Знал, где она держит кофе, сушит волосы, прячет старую плюшевую игрушку, которую никому не показывает, ту, что ей подарила мама. Знал, где лежит бельё, где полотенца в шкафу, в спальне. Знал, как пахнет её подушка — ванилью и тем особенным запахом, от которого у меня сразу же вставало, стоило только войти в эту комнату.

Комнату, где сейчас было пусто.

Стол в гостиной стоял наискосок — мы когда-то сдвинули его к окну, чтобы ей было удобнее учиться. Остановился напротив, и мир вдруг сжался до размеров этой деревянной столешницы.

Вот здесь.

Я видел это так отчётливо, что мог бы протянуть руку и коснуться.

Кая сидела на краю, свесив ноги, а я стоял между её красивых бёдер.

Кольцо — то самое, с маленьким бриллиантом, которое я выбрал после трёх часов мучений в ювелирном — лежало в коробочке, ожидая своего часа. Но она заметила его раньше. Вытащила из кармана моей куртки, пока я пил кофе на кухне, и вышла ко мне с ним на пальце.

— И кому предназначается такая прелесть? — спросила с прищуром, и в голосе звенело счастье.

— Ну, подумай, вишенка, — ответил, чувствуя, как внутри всё затягивает тугим узлом. — Как сама считаешь?

— Это всё для меня?

Рассмеялась, и я поймал её за талию, притягивая к себе. Вжал в столешницу так, что она охнула.

— Дём...

Моё короткое имя на её вишнёвых губах всегда звучало как обещание. Или как просьба. Так и не научился различать.

Провёл ладонями вверх по её бёдрам, задирая платье. Она была без белья — всегда без белья, когда знала, что я приеду. Говорила, что так удобнее. Я знал: так Кая хотела, чтобы я чувствовал её доступность каждую секунду. Чтобы когда смотрел на неё в ресторане или в машине, думал только об одном.

Улыбнулся тогда, наверное, как настоящий волк. Потому что она выдохнула и откинула голову назад, открывая шею — длинную, тонкую, с родинкой у ключицы, которую я целовал так часто, что мог бы нарисовать с закрытыми глазами.

— Сними кольцо, — сказал я, наклоняясь к её уху.

— Почему?

— Потому что я хочу надеть его сам. Как положено.

Кая сняла. Протянула мне на ладони, и я положил коробочку на стол, рядом с ней.

Потому что в тот момент мне было плевать на кольца. На ритуалы. На всё, кроме того, как она смотрела на меня снизу вверх — с вызовом и желанием, которое разрывало меня изнутри.

Провёл между бёдер. Уже мокрая, вся моя. И вошёл в неё резко, одним глубоким движением, и Кая вцепилась пальчиками в мои широкие плечи, насаживаясь ещё глубже на меня. Моя рука на её хрупкой спине прижимала ещё сильнее, заставляя принимать меня до конца.

Она не сопротивлялась. Кая никогда не сопротивлялась, когда я брал её так — по-звериному, без подготовки и лишних слов.

— Дём. Ты мой, — её голос сорвался на хрип.

Накрутил её волосы на кулак, оттягивая голову назад, чтобы видеть её страсть. Чтобы видеть, как она сходит с ума от каждого толчка. Её глаза закатились, губки приоткрылись, и я замер на секунду, просто глядя на неё.

Какая же красивая. Одуреть. До дрожи. До сумасшедшего биения сердца по рёбрам.

И мне всегда было мало. Сходил с ума с ней.

Маленькая ведьма, которая сдирает с меня кожу и уничтожала меня на корню. Своими всхлипами, стонами, подмахиванием этим потрясающими бёдрами.

Не знаю слов, которые могли бы описать то, как Кая выглядела в этот момент — вся моя, полностью открытая, влажная, готовая разбиться от одного лишнего движения.

Провёл рукой по её груди, сжимая, чувствуя, как сосок твердеет под моими пальцами. Она застонала — громко не стесняясь. В этой квартире мы никогда не стеснялись. Да в целом нам было плевать на всё. Этот мир создан для нас.

Перевернул свою девочку и взял её сзади, когда она уже не понимала, что происходит. Моя Кая улетала, дрожала, стонала в моих объятиях.

Прижал её лицом к холодной поверхности стола, и девочка выставила свою попку, подставляясь, принимая меня так глубоко, что я едва сдерживал стон.

Какая же она тугая и как страстно сжимает меня в себе!

В глазах всегда темнело. Улетал к звёздам, когда был внутри моей Каи. Ни с одной женщиной не испытывал такого.

Мои пальцы на её сосках — она любила, когда я трогал их в этом ритме, в такт движениям. Мял, дёргал, пропускал между пальцев. Любила, когда было немного больно. Любила, когда шептал ей на ухо грязные слова, от которых её дыхание сбивалось, а мышцы сжимались вокруг меня так, что я готов был рычать. Любила, когда пальцы впивались в её бёдра, натягивая на себя, и после этого собственнического жеста, чтобы шлёпал её по сладким булочкам.

Губки раскрывались, пульсировали, и моя девочка теряла контроль напрочь.

— Я сейчас... — её голос разбился на осколки. — Демьян, сейчас кончу.

— Давай, — я сжал её бедро, вбиваясь быстрее, жёстче, чувствуя, как собственное тело натягивается до предела. — Давай, детка.

Она кончила с моим именем на губах — выдохнула его как проклятие и как молитву одновременно. Я последовал за ней, чувствуя, как мир схлопывается до одной точки — до неё, до её рук, до её спины, покрытой россыпью мурашек.

— Ты моя красавица.

— А ты моё чудовище, — ответила она, и это была правда.

Пришёл в себя в пустой квартире.

Стол стоял на месте. Никто не сидел на нём, не выгибался, не звал меня по имени.

Медленно перевёл взгляд на свои руки. Кровь была чужой. Не Каи, конечно. Я никогда бы не посмел обидеть мою девочку, даже если рычал на неё как зверь. Эта кровь была чужой,

густой, тёмной. Она принадлежала человеку, который сказал мне сегодня: «Забудь её. Она больше не вернётся».

Я забыл.

Забыл всё, кроме того, как бил его лицо о бетонный пол гаража, пока кулаки не превратились в мясо. Пока не понял: ублюдок говорит правду.

Кая не вернулась сюда.

Снова обошёл квартиру, оставляя кровавые следы на выключателях, на дверных ручках, на подоконнике в спальне, где она любила сидеть с чашкой чая и смотреть на город.

В спальне было темно.

Нашарил выключатель — тусклый свет от бра упал на кровать, застеленную идеально. Подушки сложены горкой. Простыни выглажены.

Кая всегда заправляла кровать перед уходом. Даже если знала, что вернётся через час.

Открыл ящик её тумбочки — пусто. Второй — пусто. Шкаф — наполовину пуст. Она забрала самое нужное. Не всё, только то, что нельзя оставить. Значит, уходила не в спешке. Значит, решила давно.

Закрыв шкаф и увидел серьги.

Они лежали на полу, у дальней ножки кровати, блеснув в луче света маленькой каплей. Поднял их — золото, рубин, как её вишнёвые губы. Я подарил их на первые шесть месяцев наших отношений. Сказал тогда: «Чтобы каждый раз, когда наденешь, думала обо мне».

Она носила их постоянно.

Рядом с серьгами, под кроватью, нашёл кольцо.

То самое.

Оно лежало на полу, и бриллиант в нём поймал свет, брызнул мне в глаза насмешливым зайчиком.

Сжал его в кулаке, чувствуя, как грани впиваются в ладонь. Рядом с кровью чужой, с болью чужой, с той пустотой, которую она оставила в каждой комнате этой проклятой квартиры.

Кая сняла его. Наше кольцо.

Не потеряла. Не забыла. Сняла и оставила здесь. Как финальную точку. Как приговор.

— Ты моё чудовище.

Да. И чудовище сейчас стояло в пустой комнате с её серьгами в одной руке и кольцом в другой, чувствуя, как злость на себя внутри затягивается петлей.

Какой же я дебил.

Думал, что смогу её отпустить. Думал, что время лечит. Думал, что если сделать достаточно больно ей, то моя собственная боль станет меньше.

Но сейчас, глядя на эти вещицы на своей окровавленной ладони, понял одну простую вещь:

— Не отпущу. Никогда. Моя!

Она может бежать на край света. Может, выйти замуж. Может забыть моё имя, стереть мой номер, выжечь из памяти каждое прикосновение.

Всё равно найду.

Достал телефон. Пальцы — сбитые, распухшие — едва попадали по кнопкам. На экране высветилось сообщение Бобу, отправленное час назад:

«Найди её. Мне плевать на цену».

Ответ пришёл, пока я смотрел на кольцо, лежащее на её подушке.

«Ты уверен? Она не захочет возвращаться».

Усмехнулся. В пустой комнате мой смех прозвучал как выстрел.

«Мне насрать. Запру. И больше никуда не отпущу. Никому не покажу. Просто найди».

Телефон пикнул, но я уже не смотрел.

Поднёс кольцо к губам — там, где его касались её пальцы, всё ещё пахло ванилью. Или мне только, казалось. Или тупо сходил с ума. Или уже сошёл с ума, когда впервые увидел её на балконе, в платье цвета шампанского, с вишнёвой помадой на губах, которые потом шептали моё имя.

— Я верну тебя, — сказал я. — Будь моей снова, детка.

Ответа не последовало.

Но я знал: она меня услышала. Где бы вишенка ни была.

Потому что Кая всегда меня слышала.

Даже когда делала вид, что нет.

Вышел из квартиры, оставляя дверь открытой. Мне больше нечего было здесь делать.

Всё, что мне нужно, я нёс в кулаке.

Лучики мои, представляю вам роман без магии.

Но с такими эмоциями, что позавидуют драконы

Будет жарко, будет больно, будет так, что мы не уснем до утра ☹

Но, конечно же, хэппи энд я обеспечу. Без него — никак!

Поехали! Ваши звездочки, комментарии будут лучшей реакцией на мою писанину ☹ Всех обняла!

Музыка, с которой я пишу книгу

Уверена, что послушав мой плейлист по книге, вы еще больше погрузитесь в историю

Ирина Дубцова О нем

OG Vuda Строчки о бывших

Город 312 Останусь

Nickelback How You Remind Me

Сегодня ночью Герда, икай

Звери Маленькая "с"

Дельфин Любовь

Мальчишник Последний раз

The Stooges I Wanna Be Your Dog

The Chemical Brothers Hey Boy Hey Girl-----

Откликается плейлист?

Какие еще мелодии всплывают у вас в голове при чтении моей истории? Поделитесь в отзывах

Пролог. Кая.

Кая

Чертов сукин сын. Ненавижу!

Стою посреди спальни, сжимая в руке кольцо, которое Демьян подарил мне в тот вечер, когда я думала, что жизнь наконец-то становится сказкой. Бриллиант впивается в ладонь, но я не чувствую боли. Вообще ничего не чувствую, кроме этой глухой, жгучей ярости, которая поднимается из самого дна, заливают горло, не дает дышать.

Демьян.

Ты гладил её по волосам, на коленях! Суку Лизу. Тварь, а не подруга.

Я видела. Стояла в проходе, идиотка, подсматривала, как будто нашкодившая девочка за родителями. С этим дурацким тортом, который пекла на твой день рождения. Сюрприз.

Хотела поговорить, что-то объяснить и выяснить. Ведь люблю, как дура, несмотря на твою ревность, несмотря на то, что ты творил. А он уже сделал мне сюрприз.

Лучшая подруга на коленях перед моим мужчиной. Ну конечно. Это же не девственница Кая, которая верила в любовь до гроба. Которая думала, что если отдавать всю себя, то получить будешь то же самое.

Какая же я дура! Набитая дура!

Лиза стояла на коленях на той вечеринке, в его доме, на том самом ковре, который мы выбирали вместе, и смотрела на него снизу вверх с такой мольбой, что меня затошнило.

А он, козлина, смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах была не поняла, что было и не хотела разбираться.

Потом Демьян наклонился к ней.

Я не ждала, что будет дальше. Развернулась и ушла. Торт оставила на тумбочке в коридоре — пусть подавятся, оба.

Да пошел ты, чудовище!

Сжимаю кольцо сильнее, потом разжимаю пальцы и смотрю на тонкую полоску металла, которая всё ещё хранит тепло моей руки.

Он надевал его так торжественно, так уверенно, будто уже тащил меня в ЗАГС. «Теперь ты точно моя, вишенка».

А сам тут же нашел шелку для своего. Для чего? Для похоти? Для самоутверждения? Чтобы доказать, что может получить любовь, и даже мою подругу?

А потом меня накрывают воспоминания о его ревности. Как же ты достал с ней.

Каждое моё движение под контролем. Каждый взгляд — допрос. С кем переписываюсь, куда иду, почему задержалась на пять минут, во что оделась. Я задыхалась в твоей любви, Демьян, но думала — это от того, что ты боишься потерять. Думала, если буду идеальной, если докажу, что никуда не уйду, ты станешь мягче.

Стал. Как же!

Козел!

Кидаю к чертям собачьим кольцо вместе с серьгами — рубин, который он выбрал, потому что этот камень такого же цвета, как мои губы, когда я злюсь. Демьян говорил это с усмешкой, и я смеялась. Теперь не смеюсь.

Пусть валяются. Как память о том, какой душой была рядом с ним.

Закрываю чемодан и в последний раз обвожу глазами комнату. Здесь всё пропитано им. Запах его парфюма на подушке, его хоккейная форма, спортивные брюки, его зажигалка на подоконнике.

Оставляю всё. Мне не нужно ничего, что напоминало бы о нем.

Выхожу из квартиры, не оглядываясь.

Глава 1

Два года назад. КАЯ.

— Кая, не дуйся. Это всего один вечер.

Папа поправляет галстук в зеркале лифта, а я смотрю на своё отражение за его плечом и думаю, что платье всё-таки слишком открытое. Шелк цвета шампанского скользит по телу, оставляя плечи голыми, и я ловлю себя на том, что постоянно одергиваю подол, хотя он и так ниже колена.

— Я и не дуюсь, — вру я, и папа усмехается, потому что знает: дулась я всю дорогу от дома. — Просто не понимаю, зачем я там нужна.

— Ты нужна мне, — он мягко берет меня за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. — И потом, это хоккей. Тебе понравится.

— Мне никогда не нравился хоккей.

— А сегодня понравится, — отец подмигивает, и двери лифта открываются, выпуская нас в шумный, сверкающий коридор ресторана, где сегодня проходит закрытая вечеринка хоккейного клуба.

Я делаю глубокий вдох, поправляю волосы — темные, волнистые, собранные в низкий пучок, чтобы не лезли в лицо, — и следую за отцом.

Внутри ярко и пахнет дорогим парфюмом пополам с запахами фуршета и шампанского. Столы с белыми скатертями, хрусталь, ледяные фигуры в центре композиций — хоккейные клюшки, вырезанные из льда. Кто-то уже пьян, кто-то только разогревается. И повсюду мужчины в пиджаках, накинутых на широкие плечи, с руками, которые привыкли держать клюшку, а не бокал. Здоровые все, как медведи. Я кажусь рядом с ними феей из сказки. Дюймовочкой.

Папа сразу же уходит здороваться с нужными людьми, оставляя меня у бара с напутствием: «Будь умницей, я не надолго». Заказываю мохито без алкоголя и рассматриваю зал, чувствуя себя лишней.

Я здесь единственная, кто не вписывается. Не потому, что хуже или лучше — я просто другая. Девушки в этом зале знают, как себя вести: они смеются громко, касаются мужских рук, поправляют волосы и наклоняются вперед, когда говорят. Я же стою у стойки с безалкогольным коктейлем и чувствую себя мышкой, которую притащили на потеху к львам.

«Надо было остаться дома», — думаю, разглядывая пузырьки в своём стакане.

И тут происходит то, что никогда не смогу объяснить.

Зал не замолкает — он продолжает гудеть, музыка играет, кто-то смеется в углу. Но я чувствую взгляд. Физически. Как прикосновение к затылку, которое спускается ниже, по позвонкам, по голой спине, оставляя за собой дорожку мурашек.

Я медленно поворачиваю голову.

В центре зала, в окружении троих мужчин, стоит он.

Не знаю, кто это. Никогда не смотрела хоккей, не читала спортивные новости, не интересовалась именами. Но я знаю, что вот этот хищник — главный здесь. Это читается в том, как другие смотрят на него, как расступаются, когда он делает шаг, как тянутся к нему, но не смеют подойти слишком близко.

Высокий. Даже на фоне остальных хоккеистов — очень высокий. Светло-русые волосы собраны в небрежный пучок, на скуле — тонкий шрам, который не портит лицо, а делает его опасным. Пиджак расстегнут, рубашка сидит так, будто сшита специально на его огромные плечи. Но я смотрю не на это.

Я смотрю в глаза.

Светлые. Серо-голубые. Просто как озера какие-то. И они смотрят прямо на меня.

Не скользят по залу, не оценивают, не сравнивают. Смотрят. В упор. Как будто я единственный человек в этой комнате.

У меня подкашиваются ноги. Буквально. Хватаюсь за стойку бара, чтобы не упасть, и это так глупо, так по-девичьи, что я чувствую, как щеки заливают краской.

Рядом с ним кто-то — друг, судя по тому, как фамильярно он говорит ему на ухо — кивает в мою сторону и что-то шепчет. Губы хищника чуть заметно изгибаются в улыбке. Он не отводит взгляда.

И тогда я делаю то, что умею лучше всего — отвожу глаза первая.

Смотрю в свой стакан, на лед внутри, на мяту, на что угодно, лишь бы не видеть этот взгляд, от которого внутри всё переворачивается. Сердце бьётся в висках, ладони потеют, и я ненавижу себя за эту реакцию.

«Соберись. Он просто смотрит. Мужчины смотрят на женщин, это ничего не значит».

Но я чувствую, что это значит. Потому что он продолжает смотреть даже после того, как отвернулась.

— Кажется, сегодня не только матч выиграл, а забил серию буллитов и удача пришла сама ко мне. И я в восхищении.

Голос звучит справа, низкий, с хрипотцой, и я вздрагиваю, потому что не слышала, как он подошел. А этот белый медведь уже стоит рядом, облокотившись о стойку, слишком близко, чтобы это было случайно.

Поднимаю глаза и снова попадаю в плен.

— Простите? — выдавливаю, и мой голос звучит пискляво, что бесит меня ещё больше.

Он улыбается — одними уголками губ, и эта улыбка делает его лицо почти мальчишеским. Почти. Если не считать шрама и этого взгляда, в котором плещется что-то темное, голодное.

— Говорю, что так могла выглядеть удача, вот так, как ты, — повторяет он, кивая в сторону зала. — Ты слишком чистая для этого зоопарка. Как видение, как мираж, красивая.

Я должна была бы обидеться. Или растеряться. Или сделать вид, что не поняла. Вместо этого я слышу собственный голос, который звучит тверже, чем я ожидала:

— А вы, значит, главный зверь здесь? Оцениваете женщин по шкале удачи?

Он молчит секунду, рассматривая меня так, будто я заговорила на неизвестном языке. А потом усмеется — громко, открыто, откидывая голову назад, и я вижу, как двигаются мышцы на его шее, как играет свет на его кадке, и мне становится жарко. По-настоящему жарко.

— Демьян, — говорит он, протягивая руку. Ладонь большая, широкая, с пальцами, которые, наверное, держат клюшку так же уверенно, как сейчас — бокал с виски.

Я смотрю на его ругу секунду, прежде чем вложить в неё свою. Его пальцы смыкаются, и я чувствую, как грубая кожа касается моей, как тепло передается от него ко мне, и это пугает.

— Кая, — отвечаю я, и он не отпускает мою руку. Держит, поглаживая большим пальцем запястье, и я понимаю, что он чувствует мой пульс. Бешеный, предательский пульс.

— Кая, — повторяет он, пробуя имя на вкус. — Красивое имя.

— А Демьян — слишком пафосно, на мой взгляд.

Он смеется снова, и в этот момент я понимаю: мне нравится, когда он смеется. Мне нравится, как это меняет его лицо, убирая хищную жесткость. Мне нравится, что я могу заставить его смеяться.

— Смелая девочка, — тихо произносит он, наконец отпуская мою руку, но не отступает. — Или глупая.

— И то, и другое, — соглашаюсь я, чувствуя, как напряжение в плечах отпускает. — Папа всегда говорит, что это мое главное сочетание. Глупость и отвага. Как-то так.

— Папа — наш спонсор, да? — Демьян кивает в сторону отца, который всё ещё что-то обсуждает в окружении мужчин в дорогих костюмах.

— Один из них, — поправляю я. — А вы, наверное, звезда вечера?

— Я не звезда, — он делает глоток виски, не отрывая от меня глаз. — Я тот, кто приносит команде победу. Звезды — это девушки вон там, — он кивает в сторону столика, где три блондинки в платьях до пупа сверлят меня взглядами.

— Они смотрят на вас, — замечаю я.

— На меня смотрят многие, — он пожимает плечами. — А теперь я смотрю только на тебя.

Глава 2

Кая.

— На меня смотрят многие, — он пожимает плечами. — А теперь я смотрю только на тебя.

И это так прямо, так откровенно, что я теряю дар речи. Никаких намеков, никакой игры. Просто факт. Как удар клюшкой по шайбе — хлестко, больно, отрезвляюще.

Открываю рот, чтобы сказать что-то острое, но в этот момент к нему подлетает один из парней, хватая за плечо, что-то орет про торт и про то, что его ждут. Демьян не оборачивается. Он смотрит только на меня.

— Я тебя найду, — говорит он так тихо, что я почти не слышу за гулом вечеринки. И внутри всё падает куда-то вниз.

А потом он уходит, и я остаюсь у бара с безалкогольным мохито и пульсом, который отказывается успокаиваться.

«Найдёт? С чего он взял, что я хочу, чтобы меня находили?»

Я делаю глоток, лед звенит о бокал, и я смотрю в ту сторону, где он скрылся, и понимаю: хочу. Хочу, чтобы Демьян вернулся. Хочу снова увидеть эти глаза. Хочу снова услышать, как он произносит моё имя.

Это глупо. Это опасно. Это похоже на прыжок с трамплина, когда не знаешь, есть ли внизу вода.

Но не могу заставить себя уйти.

Вечеринка идет своим чередом, кто-то произносит тосты, кто-то танцует, папа машет мне из-за стола, и я улыбаюсь ему, делая вид, что мне хорошо. А сама считаю минуты.

Проходит пятнадцать. Двадцать. Тридцать.

Он не возвращается.

Начинаю злиться. Сначала на него — ну конечно, звезда, нашел себе развлечение на пять минут. Потом на себя — идиотка, повелась на красивую морду и низкий голос, как героиня любовного романа.

Я решаю выйти на балкон, чтобы проветриться. Хотя бы на минуту. Набрать в легкие холодного воздуха, напомнить себе, что я Кая Ставрожина, что у меня завтра экзамен по маркетингу и что мужчины с серо-голубыми глазами — это плохая идея.

Балкон выходит во внутренний двор, здесь никого нет, только свет из окон падает на мраморный пол, да звезды — настоящие, не хоккейные — мерцают в черном небе. Опираюсь на перила, вдыхаю майскую свежесть, и на секунду мне становится легче.

— А я говорил, что найду.

Его голос звучит за спиной, и я вздрагиваю, резко оборачиваясь.

Демьян стоит в проеме балконной двери, и свет из зала обрисовывает его силуэт — высокий, широкие плечи, узкие бедра, руки, засунутые в карманы брюк. Он смотрит на меня с легкой насмешкой, и я понимаю: он знает, что я ждала. Он знает, что считала минуты.

— Не нашел, а подкрался, — поправляю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Как маньяк.

— Ты предпочитаешь, чтобы я подошел с букетом и признаниями под луной? — он делает шаг вперед, и я инстинктивно отступаю к перилам. — Могу организовать.

— Не надо.

Ещё шаг. Теперь он так близко, что я чувствую запах его парфюма — кожа, дерево, горькое и теплое одновременно, обваликавающее и дурманящее. И виски.

— Почему ты сбежала? — спрашивает он, наклоняясь так, что его губы оказываются почти у моего уха.

— Я не сбегала. Вышла подышать.

— Врешь мне, Кая, — он улыбается, и я вижу это краешком глаз. — Ты испугалась.

— С чего бы мне пугаться вас, мистер Викинг?

— Так ты знаешь, кто я?

— Мне друг вашего друга шепнул, — отвечаю я, и он смеется, отстраняясь ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза сверху вниз.

— Как тебя зовут, Кая?

— Ты же уже знаешь.

— Хочу услышать еще раз. И посмотреть как двигаются твои вишневые губы.

Я молчу, глядя на него снизу вверх, чувствуя, как сердце резко стучит в груди. Светлые глаза в темноте кажутся почти серебряными, и в них отражаются звезды. Или это у меня уже всё плывет от того, как близко он стоит.

— Кая, — говорю я, и в моём голосе слышится что-то, чего я не планировала. Хрипотца. Слабость. Желание.

Демьян не двигается. Просто смотрит, и я чувствую, как этот взгляд проникает под кожу, растекается по венам, заставляет забыть, зачем я вообще вышла на этот балкон.

— А теперь скажи, что мне делать? — спрашивает он внезапно, и в его голосе исчезает насмешка.

— Что? — я не понимаю.

— Я смотрю на тебя и хочу сделать то, что нельзя. Скажи, чтобы я ушел, — он проводит пальцем по моей руке, от локтя до запястья, и я покрываюсь мурашками. — Скажи, и я уйду.

Смотрю как дура на его палец, который всё ещё касается моей кожи, потом поднимаю глаза на его лицо. Он серьезен. Никакой игры.

— А если я не скажу?

Он сжимает моё запястье и тянет к себе, и я делаю шаг, второй, третий — и вот я уже у стены, прижатая его телом, чувствую жар, исходящий от него, и запах, и то, как тяжело он дышит.

— Тогда я сделаю то, что хочу прямо сейчас, — шепчет он, и его губы оказываются в миллиметре от моих.

— А что ты хочешь? — мой голос — это не мой голос. Он низкий, хриплый, чужой.

Вместо ответа Демьян наклоняется, и я закрываю глаза, потому что не могу смотреть, когда он так близко.

Его губы касаются моих — сначала легко, пробуя, спрашивая разрешения. Я не отстраняюсь. Замираю, чувствуя, как этот легкий поцелуй становится глубже, как его рука ложится на мою талию, прижимая сильнее, как вторая скользит по шее, зарываясь в волосы.

Отвечаю, поднимаюсь к нему на встречу. Я не умею целоваться с незнакомцами на балконах, но сейчас мое тело знает, что делать. Мои пальцы вцепляются в его рубашку, тяну его на себя, и он издает низкий, горловой звук, который заставляет всё внутри сжаться.

Целует жадно, требовательно, и я чувствую вкус виски на его губах, и свою собственную помаду, которую он стирает, и то, как его рука скользит ниже по спине, останавливаясь там, где разрез платья доходит до поясницы.

Забываю дышать. Забываю, как меня зовут. Забываю всё, кроме его рук, его губ, его дыхания, смешанного с моим.

Демьян отрывается первым, тяжело дыша, упираясь в стену руками вдоль моей головы. Я чувствую, как его сердце колотится — так же бешено, как и моё.

— Черт, Кая, — выдыхает он, и в его голосе есть что-то, чего я не могу определить. Удивление. Или облегчение. — Кто ты такая?

Я открываю глаза и смотрю на него. В темноте его лицо кажется ещё более красивым и хищным — жесткое, опасное, с этим шрамом на скуле и губами, которые только что были на моих.

— Кая Ставрожина, — говорю я. — Дочь твоего спонсора. Та, которую ты не должен целовать на балконе.

Демьян усмехается, и его рука на моем бедре сжимается крепче.

— Я много чего не должен, — говорит он, и в его глазах загорается запретное желание. — Но я делаю.

Смотрю на него и понимаю: влипла. По-крупному. Я уже готова упасть в объятия этого мужчины с серо-голубыми глазами, с голосом, который обещает проблемы, и с поцелуями, которые хочется повторять снова и снова.

И мне страшно.

— Демьян... — начинаю я, но он не даёт договорить — целует снова, прижимая к стене, и я теряюсь в этом поцелуе, теряю счет времени, теряю себя.

В зале играет музыка, кто-то смеется, льется шампанское, а мы стоим на балконе, и я чувствую, как его пальцы сжимаются на моей талии, и понимаю: этот вечер изменит всё. Всю мою жизнь.

Я просто ещё не знаю, как именно.

Глава 3

ДЕМЬЯН

— Тогда я сделаю то, что хочу, Кая, — шепчу на выдохе в её волосы, и мои губы оказываются в миллиметре от её вишневых губ.

— А что ты хочешь? — её голос — это уже голос замутненный общим желанием.

Не отвечаю сразу. Просто смотрю на неё так, будто раздеваю взглядом, и она чувствует, как платье становится вдруг слишком тонким, слишком прозрачным.

— Хочу узнать, как ты пахнешь, — мой палец касается ее щеки, веду его вниз, по шее, и выдыхаю, потому что это прикосновение обжигает. — Хочу понять, дрожишь ли ты, когда я так близко.

— Да, дрожу, — шепчет Кая, и это правда.

Мой палец останавливается у нежной ключицы, и я хищно улыбаюсь.

— Чувствую. Скажи, Кая, ты всегда такая смелая? Или только со мной?

Она хочет ответить что-то острое, но в этот момент моя рука опускается ниже, туда, где заканчивается вырез ее платья, я оттягиваю ткань и проникаю внутрь, и она забывает, что собиралась сказать.

— Демьян...

— Тсс, тише, малышка, — прижимаю палец к ее губам, и она чувствует мою пылающую кожу. — Я ещё даже не начал.

Моя ладонь ложится на ее грудь, твердая, уверенная двочка. Люблю таких девочек, хрупких в моих объятиях, миниатюрных. Задыхаюсь. Сквозь тонкий шёлк чувствую жар ее сосков, тяжесть ее груди, и я осторожно сжимаю их, пробуя на вес.

— Такая мягкая, — говорю, глядя ей в глаза, и в моем голосе столько пошлости, что у нее подкашиваются красивые ножки и вырывается приглушенный стон. — Интересно, ты будешь так же стонать, когда я возьму тебя?

— Демьян! — хватает меня за запястье, но не отталкивает. Не может. Пальцы только сильнее впиваются в мою руку, удерживая на месте.

Наклоняюсь, и мои губы касаются ее ушка. Такая близость обжигает.

— А может, ты из тех, кто кусается? — шепчу ей, и она чувствует, как мой язык проводит по мочеке, забирая ее в рот. — Люблю, когда кусаются.

Кая издает звук, похожий на всхлип. Моя рука всё ещё на ее груди, пальцы находят сосок через ткань, и она выгибается, сама не понимая, хочет ли приблизиться или отстраниться.

— Ты не представляешь, что со мной делаешь, — выдыхаю я, и она тихо смеется.

— Представляю. Потому что ты делаешь со мной то же самое.

Вторая рука скользит по ее бедру, поглаживая и сжимая, задирая край платья. Мои пальцы добираются до голой кожи. Внутри чистый взрыв. Шелковая девочка.

— Хочешь, чтобы я остановился? — спрашиваю чисто для вида. Мы уже понимаем, что я не остановлюсь.

— Не знаю, — честно отвечает, потому что ее голова уже плохо соображает.

— А я знаю, — отстраняюсь ровно настолько, чтобы посмотреть ей в глаза. — Ты хочешь, чтобы я продолжал. Чтобы трогал тебя везде, где захочу. Чтобы шептал на ухо то, от чего у тебя сжимается все внутри. Какая ты плохая девочка и как я могу наказать такую непослушную малышку.

Кая краснеет как вареный рак. Жар разливается по щекам, спускается ниже, заливая ее грудь. А я смотрю и улыбаюсь так, что меня одновременно хочется ударить или тут же поцеловать. Или и то, и другое, если верим другим женщинам.

— Смотри, как ты горячишь, — провожу пальцем по ее шее, спускаясь к ложбинке, и я вижу, что след от моего пальца остаётся розовым на ее нежной коже.

— Вся красная. Даже здесь, — моя рука снова накрывает ее грудь, требовательно сжимаю ее. — Чувствуешь? Твое тело меня слушается.

— Ты слишком самоуверен, — выдыхает для меня, и ее голос ломается, потому что я слегка сжимаю пальцы вокруг ее вершинки, и закусывает губу, чтобы не стонать.

— Нет, Кая, я просто внимательный, — моя рука на бедре поднимается выше, туда, где заканчивается платье, и она чувствует, как мои пальцы касаются края кружева. — И я вижу, что ты хочешь меня так же сильно, как и я тебя.

Смотрю на нее, на эту хрупкую, нежную девушку, которую прижал к стене на балконе и трогаю так, будто имею на это право.

— Демьян, — она хватается меня за ворот рубашки, притягивая к себе, и шепчет прямо в губы: — Тогда сделай что-нибудь с этим. Хватит болтать.

Мои глаза темнеют. В них исчезает насмешка, остается только голод.

— Ах ты, маленькая... — не договариваю, потому что она целует меня первая — жадно, кусая нижнюю губу.

Отвечаю тем же, прижимая ее к стене всем телом, и она вся горит подо мной — уже готовая. Вжимаюсь бедрами в хрупкое тело, давая понять, что именно с ней я хочу сделать, и она не отстраняется.

— Это только начало, Кая, — рычу ей в лицо, и моя рука на ее бедре сжимается так сильно, что, наверное, останутся синяки. — Запомни: когда я решу взять тебя, ты сама будешь умолять.

— Еще увидим, мистер Викинг.

Смотрит прямо в глаза, и слышу, как ее сердце бьется сильно-сильно, а тело плавится от моих прикосновений. Внизу моего живота каменеет желание, доводя до иступления. Но не сейчас. Не хочу ускорять события настолько. Хочу смаковать и пробовать эту вишенку.

— Увидим, Кая, — улыбаюсь так, будто только что выиграл матч. — Обязательно увидим.

Глава 4

ДЕМЬЯН

Голова раскалывается. Как после хорошего матча, когда приложили башкой сильнее обычного.

После того, как Кая упорхнула вчера, хорошенько накидался с Бобом. Открываю глаза, смотрю в потолок и понимаю: я уже улыбаюсь, вспоминая как терроризировал ее вишневые губы.

Кая.

Имя всплывает в голове, и всё остальное становится неважным.

Как она смотрела на меня на балконе — снизу вверх, с вызовом и страхом одновременно.

Как шептала «увидим», когда я сказал, что она сама будет умолять.

Как дрожала под моими руками, но не отступила ни на шаг.

Провожу ладонью по лицу, чувствуя отросшую щетину. Встаю, иду в душ, врубаю холодную воду. Ледяные струи бьют по плечам, смывая остатки сна и вчерашнего виски. Но не смывают воспоминания о ней.

Боб сказал, что Кая дочь спонсора. Константин Львович та ещё заноза в заднице. Вечно правильный, вечно копающий под меня из-за терок сотцом. Душный тип.

И вот я попадаю на его правильную девочку в платье с немислимим разрезом на спине, с волосами, собранными в строгий пучок, и взглядом, который говорит: «Я не такая, как все эти шкуры».

И я купился. С первого взгляда. Как мальчишка.

Выхожу из душа, накручиваю полотенце на бедра и смотрю в телефон. Сообщение от Боба: «Баб что ли мало. Не лезь.»

Усмехаюсь. Боб вчера был рядом, видел, как я смотрел на неё через весь зал, как спрашивал, кто это, как не мог оторвать взгляд. Он же и шепнул: «Ставрожина. Осторожнее, Викинг».

Нахожу её номер.

Пишу: «Во сколько экзамен, вишенка?»

Ответ приходит через минуту. Она уже не спит.

«В десять Не смей приезжать. А ты и не знаешь куда. Ахаха».

Смеюсь вслух, представляя её лицо, когда Кая, закусив губу, печатала это «не смей» и смешки.

«Буду в двенадцать».

Печатает долго. Стирает. Снова печатает.

Наконец:

«Невыносимый Демьян».

Снова улыбаюсь, звоню Бобу и прошу найти адрес ее универа и кидаю телефон на кровать.

Университетский корпус на Воробьевых горах нашел без проблем.

Паркуюсь напротив и жду.

Ровно в двенадцать выплывает — вижу её сразу, потому что смотрел на эту дверь последние двадцать минут, как привязанный.

В сером пальто, с сумкой через плечо, с кудрявыми волосами, распущенными по плечам.

Не замечает меня сначала, оглядывается по сторонам, вся напряжена.

Ищет? Боится, что я не приехал? Или боится, что приехал?

Выхожу из машины, и Кая замирает. Её глаза расширяются, сжимает ремень сумки, делает шаг назад — маленький, почти незаметный.

— Ты как приехал? — удивленно говорит она.

Как же мне нравится её голос! Мягкий тембр, с легкой хрипотцой, заставляет все остальные звуки уйти на второй план.

— Я сказал, что буду.

— А если бы я не хотела тебя видеть?

И как ты узнал?

Подхожу ближе, беру её сумку. Не сопротивляется, только смотрит с подозрением.

— Знал, что ты хотела этого. А свои секреты по местонахождению красивых девушек я выдавать не буду.

— Самоуверенный какой, — фыркает, но идет за мной к машине.

Открываю ей дверь, и Кая садится, поправляя пальто, убирая волосы за ушко.

Обхожу машину, сажусь за руль, завожу двигатель.

— Куда поедем? — спрашивает она.

— Ко мне.

Поворачивается. Удивленно моргает, хлопает своими длинными ресницами.

— Демьян, как к тебе?

— Там нам будет удобно.

Краснеет. Румянец заливает щеки, резко отворачивается к окну, делая вид, что разглядывает дома.

— Это не ответ.

— А что ты хочешь услышать? — выруливаю на МКАД, и в салоне становится тихо.

Молчит. Вздыхает.

Барабану указательным пальцем по рулю. Ладно-ладно.

— Хочешь знать, что я всю ночь не спал, думал о тебе? Что проснулся и единственный человек, кого я хотел увидеть — это ты? Что мне плевать, который сейчас час, просто хочу побыть с тобой наедине? Это мне надо заявить?

Снова молчит. Её пальцы теребят край пальто. Нервно кусает губы.

— Ты говоришь слишком много для человека с похмельем, — наконец насмешливо произносит Кая.

— А ты слишком красивая для человека, который только что сдавал экзамен.

— Это был экзамен, а не конкурс красоты.

— Ага, все мои конкурсы ты уже выиграла. И экзамены уже сданы. На пятерки.

И широко улыбаюсь, ей-Богу, как повернутый.

Кая смущенно смеется и я сильнее сжимаю руль. Потому что хочу слышать её смех снова. И снова.

Моя квартира встречает нас тишиной и порядком. Не люблю бардак. Боб иногда говорит, что у меня «синдром идеального холостяка». Пусть говорит.

Кая останавливается в прихожей, разглядывает интерьер. Её взгляд скользит по светлым стенам, по панорамным окнам, по мебели.

— Один живешь? — как-то напряженно спрашивает она.

— А ты думала, что соержу гарем?

Кая хихикает, прикрывая рот ладошкой. Помогаю снять ей пальто, и вешаю его в шкаф. Она остается в облегающем свитере, и я понимаю, что вчера не разглядел, какая у неё фигура.

Тонкая талия, крутые бедра.

Смотрю, как она проходит в гостиную, и в джинсах становится тесно.

— Кхм, будешь кофе? — прокашливаюсь, чтобы не наброситься на неё сразу.

— Да, пожалуйста.

Пока варю кофе, она ходит по комнате, рассматривает. Слышу, как останавливается у стены с фотографиями. Там я с командой, я с кубком, я на льду. И одно фото, где я без формы, просто в кепке и футболке, с Бобом на фоне гор.

— Это ты? — спрашивает она.

— Не похож? — отвечаю, выходя с двумя чашками.

— Просто здесь какой-то другой.

— Какой?

— Моложе, — она пожимает плечами. — И счастливее.

Ставлю чашки на стол, подхожу к ней. Не отступает, только смотрит снизу вверх, и у меня внутри начинает извергаться вулкан.

— А сейчас я, по-твоему, несчастлив?

— Не знаю, — Кая берет кофе, делает глоток, пряча лицо за чашкой. — Ты какой-то...тяжелый что ли.

— Тяжелый? В смысле?

— Как будто ты всё время контролируешь себя.

Усмехаюсь, забираю у неё чашку, ставлю на стол, и она остается без защиты. Мои руки ложатся на её талию, и пойманная Кая замирает. А меня простреливает с ног до головы её сексуальным током.

Цежу сквозь зубы:

— А если я перестану себя контролировать, ты не испугаешься?

— Попробуй, — вызывающе говорит Кая, уставившись прямо на меня.

Глава 5

ДЕМЬЯН

Притягиваю девочку к себе, и её руки упираются мне в грудь. Не отталкивают — просто ладошки лежат, чувствуя, как бьётся моё сердце. Провожу носом по её шее, вдыхая запах — цветы, ваниль, домашнее тепло. От этого запаха внизу все каменеет.

— Детка, ты пахнешь так, что у меня крышу сносит, — шепчу я, и Кая с шумом выдыхает.

Мои губы касаются ее шеи, спускаются ниже, и её пульс ускоряется. Руки на моей груди сжимаются в кулачки, но Кая не отталкивает.

— Демьян, — её голос дрожит.

— Что?

Провожу ладонью по её спине, спускаюсь ниже, сжимаю ягодицы, притягивая к себе. Она чувствует, как я возбужден, и ее зрачки расширяются.

— Мы... — Кая сглатывает, проводя язычком по губам. — Мы как-то быстро начали.

— Мне двадцать семь. Тебе двадцать два. Взрослые люди.

— А как же конфетно-букетный период? — выдыхает она, и я слышу, как ей трудно говорить.

Замираю. Отстраняюсь, смотрю на неё. Покраснела, глаза блестят, губы припухли.

— Что, детка?

— Конфетно-букетный, — повторяет Кая увереннее. — Цветы, ужины, прогулки. Чтобы я знала, что ты не просто... что я тебе не просто...

Не договаривает, но я всё понимаю.

— Думаешь, я хочу от тебя только для одного?

— А разве нет? — Кая поднимает голову, и в её взгляде — и страх, и надежда. — Ты меня вчера поцеловал, сегодня приехал, привез сразу же к себе. Все так быстро. Я не знаю, что ты за человек. Ты не знаешь, что я за человек.

Смотрю на неё и чувствую что-то, чего не чувствовал давно. Желание не только обладать. Желание доказать.

— Ну, хорошо, как скажешь, так и будет, — говорю я, отпуская ее. — Днем — букет, ночью — минет.

Кая моргает, не ожидая, что я так выскажусь. Губы растягиваются в насмешливой мине.

— То есть ты ещё и извращенец! — с выдохом произносит Кая.

— А ты чего ожидала? Принца на белом коне?

— Яскорее, дракона из сказок. А попался настоящий Викинг. Суровый и с дурацким чувством юмора.

Притягиваю её сильнее к себе. На это раз начинает упираться. — Ладно, вишенка. Букеты так букеты. Я готов. А сейчас отвезу тебя домой.

Разворачиваюсь и иду к прихожей, беру ключи. Она стоит посреди гостиной, растерянная, сжимая ладошки в кулачки.

— Демьян...

— Что?

— Я не... — Кая мнетя, и я вижу, как она борется с собой. — Я сама. Не надо до дома. Останавливаюсь. Поворачиваюсь к ней.

— Как это сама?

— Легко, — она подходит к шкафу, достает пальто, надевает, не глядя на меня. — Вызову такси. Или на метро.

Молчу, наблюдая исподлобья, как она нервничает. Пальцы дрожат, когда застегивает пуговицы. Кая не хочет, чтобы я вез ее домой.

— Ка-а-ая, — подхожу, беру её за подбородок, заставляя посмотреть на меня. — Ты точно живешь с папой?

— Да, — она пытается отвести взгляд, но я не пускаю.

— Ты не хочешь, чтобы он увидел тебя со мной?

Молчит как партизан.

— Твой отец не обрадуется, если узнает, что ты встречаешься с хоккеистом? — мои пальцы скользят по её щеке, и она вздрагивает.

— Демьян, не надо, — шепчет Кая.

— Или не с хоккеистом? А со мной конкретно?

— Он просто... — закусывает нижнюю губу. — Папа хочет, чтобы я встречалась с «правильными» людьми. Из его, моего круга.

Усмехаюсь, отпуская её милое испуганное личико.

— Его, моего... А я, значит, неправильный?

— Я этого не говорила.

— Да и не нужно, — отступаю на шаг, смотрю на неё — красивую, правильную, с хорошими манерами и плохим вкусом на мужчин. — Ладно, Кая. Езжай сама.

Смущенно поднимает на меня глаза, и я вижу в них ещё и страх. Не передо мной — перед тем, что будет, если ее отец узнает. Сквозь зуб пропускаю вздох и это звучит как свист. Не сорваться бы.

— Мы... увидимся? — спрашивает Кая тихонько.

Смотрю на нее секунду, потом открываю дверь.

— Ты мне напишешь. Когда будешь готова к конфетно-букетному.

Проходит мимо, и я чувствую запах её волос. Останавливается на пороге, оборачивается.

— А если не напишу?

Улыбаюсь, смотрю в упор в ее темные глаза.

— Напишешь. Кая. Ты лучше меня самого знаешь, что напишешь.

Снова смотрит на меня из-под темных ресниц, и в её глазах — целая буря. Потом Кая разворачивается и уходит, стуча каблучками, в свой мир. Подальше от неправильного Минаева.

Закрываю дверь, прислоняюсь к ней лбом, чувствуя, как в груди сжимается все в колючий клубок.

Первый звоночек. Она что-то скрывает. Или кого-то. Её папаша, этот спонсор с правильными манерами, не обрадуется, если узнает, что дочка целуется на балконе и ездит к сыну бандита.

Но мне плевать.

Я хочу её. И получу.

Кая ушла, а я всё еще чувствую её запах — цветы, ваниль и этот гребаный вишневый блеск на губах, который теперь остался на ободке её чашки. Допиваю кофе, и по языку растекается что-то сладкое.

Сжимаю чашку с такой силой, что, кажется, сейчас треснет к чертям собачьим. Тишина в квартире звенит натянутой струной, а перед глазами — ее расширенные зрачки, когда мои ладони легли на ягодицы и прижали ближе, давая почувствовать, как сильно мне сносит крышу.

Правильная девочка из чужого мира. Она боится не меня — боится, что её идеальный папочка узнает, к кому на самом деле тянется его послушная дочь. Но этот страх не остановит. Ни её, ни меня. Провожу пальцами по губам, вспоминая вкус её губ, и усмехаюсь.

Напишешь. Обязательно напишешь.

Потому что между нами уже искрит так, что короткое замыкание — лишь вопрос времени. Подожду этот чертов конфетно-букетный период, но я уже поймал свою вишенку и от себя не отпущу.

В груди скручивается клубок азарта пополам с одержимостью. Первый звоночек, детка.
Слышу его.
И я иду за тобой.

Глава 6

КАЯ

Дема присылает адрес в восемь утра. Даже без «доброго утра». Просто: «Ресторан «Москва». В семь. Буду ждать».

Пялюсь в телефон и улыбаюсь как идиотка.

Весь день мучаюсь с выбором. Скидываю все платья из шкафа, потом еще раз.

Папа уезжает по делам и хитро улбается, осознавая, что дочка собирается к мужчине. Но молчит. Остаюсь одна с паникой и кучей нарядов на кровати. В итоге выбор падает на темно-красное. Длинное, закрытое, но с разрезом до середины бедра. Достаточно скромно для папиной дочки, достаточно провокационно для моего Викинга.

К шести уже готова. Сижу, смотрю в потолок, заставляю себя не выбежать на улицу раньше времени.

В семь его внедорожник въезжает во двор. Я вижу из окна, как он выходит, опирается о капот, поднимает голову. Прямо смотрит на мои окна. А я прячусь за шторкой как школьница.

Сердце стучит так, что, наверное, слышно на улице.

Демьян держит огромный букет из алых роз. И еще коробочку с белой лентой.

— Это всё... мне? — зардевшись, спрашиваю тихо.

— Нет, прохожему, — сует букет мне в руки, открывает дверь. — Садись, Кая.

Открываю коробку — шоколад ручной работы наполняет салон ароматом. Хочется сразу проглотить все до последнего кусочка.

— Всё так, детка? — спрашивает, выезжая со двора. — Устраивает?

— Демьян, — выдыхаю, чувствуя, как отпускает напряжение. — Скажи честно. Ты вообще умеешь нормально встречаться с девушками?

Он поворачивает голову и удивленно смотрит на меня. Прокашливается и спрашивает:

— Нормально — это как?

— Ну... цветы, конфеты, ресторан я получила. Но девушка должна чувствовать себя особенной. А не так, что возьмите — распишитесь.

Смотрю на него с надеждой, что понятно объясняю.

— Хм, а я разве не завоевываю? — в голосе появляется легкая хрипотца. Демьян хмурится.

— Ты делаешь это уже как победитель. Уверенный на 100%.

Он смеется. На светофоре поворачивается ко мне, и я вижу его серые глаза, в которых можно утонуть и не выплыть на берег.

— Знаешь, вишенка, ни одна девушка не зацепила — говорит признание. — Ни одна настолько, чтобы я хотел дарить цветы. Зачем дарить тем, кто мне не нужен?

Сердце пропускает удар.

— А я зацепила, значит? — спрашиваю тихо, теребя белую ленточку на коробке шоколада.

Загорается зеленый. Машина рвет вперед. А Демьян так и не отвечает. Только усмехается и хитро смотрит на меня.

Ресторан оказывается очень крутым, сюда папа обычно водит самых важных своих клиентов.

Демьяна сразу узнают. Метрдотель склоняет голову, нас проводят мимо других столиков, официант ставит шампанское, даже не спросив.

Понимаю четко — Де́ма здесь свой.

Смотрю на него сквозь пузырьки в бокале и пытаюсь соединить всё воедино.

Хоккеист, который разбивает лица. Мужчина, который целует так, что сердце вырывается из груди. И тот парень, который привозит цветы и волнуется на первом свидании, глядя, как я открываю коробку конфет.

— Почему так смотришь? — спрашивает он, откидываясь на спинку.

— Ты смотришься... — стесняюсь признаться. — Красивый такой.

— Только красивый?

— А что ты хочешь услышать? Что ты мне ужасно нравишься?

— Ну да. Скажи.

Делаю глоток шампанского. Напиток приятно щекочет горло.

— Ты мне нравишься, Демьян. Даже слишком.

— Слишком в плохом смысле?

— Слишком в смысле офигеть как!

И смеюсь, закрывая лицо руками. Он смотрит долго. Так, что я чувствую этот взгляд всем телом, даже когда опускаю глаза в тарелку или смотрю за окно.

Впервые в жизни мне становится страшно не от того, что мы можем расстаться или поссориться. Мне страшно от того, что этот красивый мужчина может стать всем моим миром.

Домой я возвращаюсь после одиннадцати. Папы еще нет. Какое счастье, а то начнутся расспросы.

Падаю на кровать. В голове — его смех, его взгляд, то, как он слушал. По-настоящему слушал мои бредни.

Достаю телефон, открываю соцсеть и публикую фотку. Букет, коробка конфет, его руки с татуировками.

«Когда обещанный конфетно-букетный случается. Спасибо за вечер».

Тут же пишет подруга в личку.

— Кая, это кто??? Что за кент? Я сейчас сдохну!

— Его зовут Демьян. Мы познакомились на вечеринке.

— Та, с хоккеистами??? Ты что, встречаешься с хоккеистом??

— Ну официально мы не встречаемся. Просто провели вечер вместе.

— О да, я вижу. Букет на полкомнаты. Кая, хоккеисты — это отдельная порода. Жесткие мужики. И если он тебе это подарил — считай, ты уже его.

Перечитываю. Внутри неприятно ёкает. Но отгоняю мысли.

— Ты его не видела. Он... другой.

— Они все другие в начале. Колись дальше. Ну, хочу подробностей.

Закрываю глаза. Шрам на скуле. Светлые глаза, которые темнеют, когда он думает. Руки, держащие бокал так же уверенно, как вчера держали в объятиях.

— Красивый. Очень. Голос — бас такой. Говорит так уверенно. И смотрит... Лиз, он смотрит так, что я улетаю.

— Мать твою. А девочка пропала. Ты влюбилась, дурище!

— Нет. Я просто...

— Кая, я тебя знаю. Ты поплыла ваще.

Лизка права. Я, и правда, поплыла.

— Он сказал, что ни одна девушка до меня его не зацепила.

— Ахахах, Кая, ну ты даешь. Он тебе это сказал, а ты поверила? Стандартная разводилка — ты особенная, никогда такого не было. Все мужики так говорят.

Смотрю на букет. Вспоминаю, как он сжал челюсть, когда я спросила, волнуется ли он, как потемнели его глаза.

Может, Лиза права. Может, это просто слова. Но внутри я чувствую: нет.

— Может быть. Но он приехал ко мне после экзамена. Привез к себе домой. Я сказала, что хочу конфетно-букетный период — он согласился. Даже не настаивал на шпили-вили.

Лиза печатает и стирает.

— Все, не мооооогу. Покажи мужика.

Скидываю ссылку на его профиль. Фото с матчей, с тренировок. Ни одной девушки.

Через минуту:

— БОЖЕ. Кая, это Викинг???

— А ты знаешь его?

— Знаю? ДЕВОЧКА, это легенда. Два года в НХЛ, вернулся, всех раскидал. У него столько поклонниц... и он выбрал тебя?

Замираю. НХЛ. Легенда. Поклонницы.

— Пипец, какой шанс, Кая. Не упусти.

Смотрю на экран. Мне не нужен шанс или джек-пот. Я хочу... что? Сама не знаю. Любви, наверное.

— Ахахахах, да я прост. Лизка, ну легенда и легенда. Со мной же он просто Демьян.

— Офигеть, ты не умная. Такие мужики не каждый день встречаются. И Кая... будь осторожна. С такими можно сгореть. Красиво, но больно. Поматросит — и уже на другую.

Выключаю телефон — хватит, пора спать. В комнате пахнет розами, напоминая о нашем свидании.

«Ни одна не зацепила».

И я верю. Может, я дура. Может, это действительно тупой подкат. Но когда он смотрел на меня — я точно знала, что это правда.

И это было еще страшнее, чем если бы Демьян врал.

Глава 7

Демьян

Моя вишенка застыла на пороге в джинсах и свитере, с рюкзаком за плечами, будто собралась к бабушке на дачу, а не ко мне на выходные. Только вдвоем.

— Привет, — выдыхает она робко.

— Привет, — закидываю рюкзак на стул в прихожей, даже не глядя. — Боишься, детка?

— Нет, — выстреливает слишком быстро и заливается краской.

Смеюсь и провожу пальцем по её губам. Она прикрывает глаза и дразняще скользит язычком по подушечке моего указательного.

— Врешь, вишенка.

— Ну, если только чуть-чуть, — выдыхает в мои пальцы, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать.

— Не бойся. Я сказал — буду хорошим мальчиком.

— Ты сказал, что постарайся.

— И постараюсь.

Она улыбается, и пружина внутри меня затягивается туже, давит изнутри.

Руки чешутся схватить её за талию, прижать к стене, вдохнуть этот чертов запах ванили. Но я держусь. Как могу.

День пролетает как одна минута. Жарим мясо, Кая активно мешает: то сует лопатку, то звонко шлепает меня по заднице и залиvisto смеется, когда я делаю вид, что злюсь. Ой, доиграешься, девочка.

Потом банька. Выходит в черном купальнике, с низкими вырезами по бокам, и у меня перехватывает дыхание. Я видел её в платьях, свитерах, джинсах. Но так впервые. Понимаю, что еще одно движение и сорвусь окончательно. Выдыхаю, концентрируюсь на процессе.

Замечает мой тяжелый взгляд, смущается, пытается прикрыться полотенцем.

— Не надо, — я перехватываю розовую ткань, отбрасываю в сторону. — Не прячься от меня.

— Ты смотришь так, будто...

— Будто что?

— Будто хочешь меня съесть.

— Хочу. — Провожу пальцем по ее ключице, и она вздрагивает. — Но я умею ждать, детка.

В парилке Кая смакует чай с травами. Я поддаю пар, играя мышцами спины, и моя девочка жадно скользит взглядом по телу.

— Тебе нравится? — спрашиваю, поворачиваясь.

— А?

— Смотреть. Нравится, как я выгляжу?

Краснеет, отводит глаза, потом снова впивается в меня взглядом.

— Угу. Но хорошо, что ты в боксерах, — хихикает, прячась за чашкой.

Вечером расставляю свечи по комнате. Еще готовлю массажные, которые вчера купил. Прожженная продавщица с пирсингом в брови выдала с ухмылкой: «Соевое масло, кайфовые ароматы. Настоящее удовольствие для партнерши. И еще не торопитесь».

Не торопиться. Легко сказать. Вишенка моется, а я стою у окна и сжимаю кулаки, чтобы не кончить раньше времени как прыщавый мальчишка от одной мысли, что сейчас будет.

Она выходит из душа в моем халате. Слишком большом для такой хрупкой девушки. Влажные волосы распущены по плечам, лицо без косметики, в глазах — испуганный восторг. Смотрю на неё и забываю дышать.

— Ммм, красиво, — обводит взглядом свечи, шампанское в ведерке, клубнику в шоколаде.

— Ты красивее, детка. — Подхожу, беру её за руку, целую пальцы. — Иди ко мне. Садимся на край кровати. Наливаю шампанское, подношу бокал к её губам. Пьет маленькими глотками, поглядывая на меня.

Беру клубнику, вожу ягодой по ее рту. Кая послушно открывается и кусает. Понимаю, что мне становится тяжело дышать. Сердце стучит как при нагрузках на тренировке.

— Я буду очень нежен, Кая, — говорю, беря вторую ягоду. — Сначала.

Она смотрит на меня, жует клубничку, и в её глазах загорается огонь.

— А можешь быть не нежен?

Я едва касаюсь кончиками пальцев её бедра.

— Могу быть любимым для тебя.

Опускаюсь на колени перед моей принцессой.

Поднимаю её ножку к губам, целую щиколотку. Вздрагивает.

— Демьян...

— Тсс. Только стоны. Слушаешься меня.

Губами скольжу выше — по икрам, по колену, по бедру. Халат сползает, открывая все новые участки.

— Ложись, детка, — приказываю я.

Развязываю пояс, и под тканью открывается черное кружево. Трусики-стринги, которые я могу снять одним рывком. Чулки на подвязках, туго обтягивающие её бедра.

— Ты... — у меня перехватывает дыхание. — Ты специально?

Кая вызывающе улыбается.

— Еще бы. Чтобы ты сошел с ума от меня.

— Детка, как же я хочу тебя! — веду пальцами по краю чулка, по голой коже выше, и она подается мне навстречу.

Начинаю снимать чулки губами, скатывая ажурную ткань. Кая тяжело дышит, и когда я отбрасываю чулки в сторону, ее руки тянутся ко мне, к резинке моих боксеров.

— Нет-нет, не торопись. — Я перехватываю её запястья и завожу их за голову, освобождая от халата окончательно.

— Но я хочу...

— Знаю, чего ты хочешь. Но сегодня ты исполняешь только мои приказы. Поняла?

Замирает и кивает.

— Хорошая девочка. — Отпускаю её руки, встаю. — А теперь лежи и жди.

Зажигаю массажные свечи. Комнату наполняет мягкий свет и запах ванили с сандалом.

— Что это? — спрашивает Кая, наблюдая, как плавится воск.

— Сейчас узнаешь.

Жду, пока воск превратится в масло. Подхожу к ней, сажусь рядом. Веду пальцами по лицу, по шее, спускаясь ниже.

— Ты такая красивая, — говорю я, и она улыбается. — Я мог бы смотреть на тебя вечно.

— Демьян...

Наклоняюсь и целую мою девочку. Моя ладонь скользит по её груди через кружево, и она снова стонет.

— Я хочу тебя всю.

— Демьян, пожалуйста...

— Не проси. — Отстраняюсь, беру одну из свечей. — Просто чувствуй.

Теплое масло льется на её грудь. Она вскрикивает от неожиданности.

— Ой... как тепло...

Ставлю свечу и растираю масло по коже ладонями. Кожа блестит, соски твердеют под моими пальцами, и Кая запрокидывает голову.

— Нравится?

— Да... да, Демьян, это...

Не даю ей договорить. Наклоняюсь, беру сосок в рот, чувствуя вкус масла и её кожи. Она сжимает мои волосы в кулачках, и я с трудом сдерживаю себя, чтобы не сорвать с неё трусики и не войти прямо сейчас.

Но я обещал. Буду нежным.

Массирую её тело, добавляя масло. Кая вся влажная и горячая, и когда мои пальцы оттягивают кружево трусиков, она стонет так, что у меня темнеет в глазах.

— Такая влажная. — Я провожу пальцами по ее лону, чувствуя, как она сжимается.

— Моя девочка. Ты готова?

— Дем, я не сказала — Кая вдруг закрывает лицо руками, прячась от меня.

— Кая. — Беру ее лицо в ладони. — Что-то не так? А, детка?

Закусывает губу. Смотрит в сторону.

— Я... я должна тебе кое-что сказать.

— Ну, говори.

— Я никогда... — выдыхает и продолжает, зажмурившись. — Никогда не была с женщиной. Вообще, ни разу. Мамочки, я сказала это.

В голове взрывается окончательно. Кая — ходячий секс. В этой хрупкой девочке столько порочного огня, что я готов сгореть дотла каждую секунду, что она рядом. Её взгляд, её губы — всё это кричит о грехе. Но сейчас она смотрит на меня испуганным взглядом. Ангел. Нетронутая. Моя. И от этого контраста у меня окончательно сносит крышу.

Замираю, уставившись на нее.

— Ты серьезно?

Кивает, не поднимая глаз. Тербит край смятого халата.

— Думала, ты не захочешь... или начнешь относиться как к маленькой.

Медленно выдыхаю. Внутри все встает на свои места. Ее страх. Ее «конфетно-букетный». Ее робость, которую она прячет за вызовом.

— Посмотри на меня, — поднимаю ее лицо за подбородок. — Смотри.

Она поднимает глаза. В них блестят слезы.

— Это прекрасно, Кая. Я не передумал. Может, даже хочу больше, чем до того, как узнал.

— Почему?

— Потому что ты выбрала меня. Первым. Это... это много значит.

Слеза скатывается по щеке. Я стираю её большим пальцем.

Но моя девочка вдруг перехватывает мою ладонь, прижимается к ней мокрой щекой и ведет ниже — туда, где бешено колотится ее сердце прямо под кружевом.

— Тогда не жди больше. Ни минуты, — Кая больше не отводит взгляд. В её глазах плещется такое же желание, как и у меня. — Я специально надела эти чулки, чтобы ты сорвал их с меня. И хватит быть хорошим мальчиком, Демьян. Сделай это сейчас. Я хочу почувствовать всё. Хочу знать, как это — когда ты внутри меня до упора.

Девочка выгибается навстречу, сжимая мои пальцы на своей груди, и от этого собственного жеста у меня слетает последний предохранитель. Масло еще дымит, наполняя комнату ароматами феромонов, но я уже опрокидываю ее на спину и рву кружево, ост

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.